

Наталья Васильевна Щерба

Антипризма

предоставлено правообладателем <http://litres.ru>

Наталья Щерба

Антипризма

В сероватой воде мелькали тусклые рыбы спинки, но поплавок оставался недвижим. Мой дед считал, что нет в мире дела более увлекательного чем рыбалка, но я с этим не мог согласиться. Не лучше ли мчаться наперегонки на воздушных лодках или просматривать спектромонитор в поисках интересной информации, чем заст�ять на всю жизнь в подобном унылом пристанище среди гор, растрячивая драгоценное время на убийство рыб? Но мой дед был умным человеком и к его советам я всегда прислушивался.

Цепко окинув взглядом сонное озеро, по глади которого ещё летали обрывки предрассветного тумана, я задержал взор на полосе маленьких домиков, казавшихся издалека серой змеёй, притаившейся среди кустов. Обычные дома, одинаковые заборчики. Лишь в одном из дворовискрилось загадочное что-то, похожее на причудливую зеркальную сферу, рассеивающую вокруг блеклые солнечные лучи. Надо будет как-то глянуть поближе...

– Доброе утро! – прошептал тихий голос над ухом. Я вздрогнул от неожиданности, тут же укорив себя за невнимательность: расслабился на тихом бережку.

Оказалось, меня испугала светловолосая девушка с бледным лицом: в невзрачном платьице и босоногая, с маленьkim рюкзачком за спиной.

– Неудачное утро? – спросила девушка и беззвучно рассмеялась.

Я посмотрел на своё пустое красное ведро и тут же укорил себя второй раз: хоть воды бы налил для видимости.

– Не расстраивайтесь, – сказала девушка.

– Здесь рыбы всё равно нет, – вяло отозвался я.

Простой горный воздух явно действует на меня губительно: за одно утро – два просчёта.

– Вы слишком яркий, – улыбнулась девушка. – Поэтому рыба вас боится.

Я с сомнением покосился на свою обычную зелёную куртку и синие джинсы: нормальная одежда, как у всех.

– Я не про это, – тут же догадалась девушка. – Я про ваше излучение... Вы распространяете вокруг себя пронзительно оранжевую ауру. Не просто тёплую апельсиновую, а с примесью лиловых и даже сиреневых тонов... Такое свечение распугает не только рыб, но и людей.

– Наукой давно доказано, что сиреневого и лилового не существует, – тут же возразил я. – Шесть хроматических цветов и один серый – ахроматический. Остальное – глупые романтические выдумки.

– Да к чёрту вашу науку, – мило улыбаясь, сказала девушка. – Наверняка, побывали недавно в городе, да? Кто из техномира приезжает, дня три-четыре светится... Вы из какого селения? Не из Радужного, понятно, а то я бы вас знала...

Вопрос застал меня врасплох, хоть я мгновенно сориентировался.

– Я здесь в гостях, у родственников.

Неожиданно её лицико помрачнело.

– Постойте, а вы в спектролинзах? – быстро спросила она.

– Конечно в них, – ответил я. – А вы, наверное, слепая? Простите, незрячая...

– У меня врождённая аллергия на спектролинзы, – тихо сказала девушка. – К счастью.

– К счастью? – переспросил я. – Почему?

Но девушка не ответила: она просто развернулась и зашагала по тропинке меж тусклых

ивовых кустов, и вскоре исчезла из поля моего зрения.

Ещё несколько секунд я понаблюдал за поплавком; после решительно встал, собрал рыбачьи снасти и шагнул в ивовые заросли, надеясь догнать незнакомку.

Девушка показалась мне странной и я решил её проверить. Меня заинтересовало это «к счастью», если не сказать – насторожило. Какое же тут счастье – родиться слепым, жить вечным изгоем?

Люди, глаза которых не воспринимали спектровые линзы, с самого рождения направлялись в специальные поселения. Для простого глаза поглощать и отражать технические цветовые излучения, которыми пронизан наш мир снизу доверху – непосильная задача. Жизнь в городах, где проложены тысячи сверхзвуковых трасс – дорожных, подземных и воздушных, с массой ярких указателей, счётчиков и реклам – невозможна, губительна для незащищённого зрения. Поэтому людей с врождённой спектральной непереносимостью селили в горных деревнях, где они были вынуждены существовать на довольно-таки мизерную государственную помощь. Проживая вдали от технокоми, не имея возможности пользоваться современными источниками информации или другими техническими средствами, эти люди, по сути, были обречены на вымирание: многие просто сходили с ума, не доживая до старости. Врачи характеризовали печальную статистику общей ослабленностью организма, неприспособленностью к цивилизованной жизни. Конечно, незрячие бывали в больших городах, но весьма редко, предпочитая лишний раз не рисковать здоровьем.

…Как ни странно, я вскоре догнал девушку. Она шла, не торопясь, часто останавливалась, чтобы сорвать бледно-серые полевые цветы. Я тут же потянулся к монитору спектролинз и быстро нашёл название: ромашки. А эти, более тёмные, но будто присыпанные пылью – васильки.

Завидев меня, девушка молча посторонилась, и мы зашагали рядом.

– Так вы здесь живёте? – спросил я, чтобы как-то начать.

– С самого рождения.

Немного помолчав из осторожности, я продолжил:

– Значит, вы из незрячих…

Девушка резко остановилась, я едва успел притормозить рядом, и окинула меня долгим внимательным взором.

Глаза у неё были бледно-серые – обычный для незрячих цвет. По сравнению с модными ныне оттенками пронзительно фиолетовых, зелёных и даже огненно-красных радужек, легко регулирующихся спектролинзами, глаза девушки казались слишком прозрачными, даже тусклыми. Но сама она была весьма красива, хоть и бледнокожа.

– Это для вас я незрячая, – девушка холодно усмехнулась. – Но моему взгляду доступно очень многое… То, что для таких, как вы – успешных цивилизованных людей, запершихся в своём тесном мирке, за пределами видимости.

– И что же это?

Бледно-серые глаза чуть прищурились, изучая меня.

– Технический мир отслаивается от старого – истинного мира, – быстро сказала девушка. – Наша планета стремится скинуть с себя технослои, давно ставший чужим и ненужным… сбросить, словно змея старую кожу. Останутся лишь те, кто любит и понимает истинную природу, останутся… незрячие, как вы нас называете.

Я слушал, не перебивая; запись давно работала. Неужели мне так повезло?

– А почему вы уверены, что техноцивилизация обречена на вымирание? – с иронией спросил я.

– Спектролинзы сделали вас, людей нового поколения, заложниками, – охотно продолжила девушка. – Вы видите чёткий семицветный спектр с погрешностью в один-два оттенка. Но сочетать цвета между собой вы уже не можете… Краски огромного мира для вас бледны… И выходит, будто для вас сам мир тускнеет, растворяется и исчезает. Но на самом

деле исчезаете вы.

Я подумал, что в незрячих говорит обида. Ещё бы! Это их цивилизация вытеснила на самый край: живут в диких горах и потихоньку сходят с ума от недостатка прогрессивной информации.

Девушка словно подключилась к моим спектролинзам.

– Вы думаете, я сумасшедшая? – с горечью сказала она и, немного помолчав, добавила:

– Вы не видите очевидного: мир уходит от вас, становится всё более недоступным.

Вернее, это вы спрятались от него за своими спектролинзамами.

Хорошо же её кто-то «прокачал». Знать бы кто...

– Вы говорите – бледнеет, но я вас прекрасно вижу, – произнёс я, пряча улыбку. Наивная пылкость девушки всё же мне понравилась. – Вот вы, вот солнце, вот ваш серый букетик...

– Человек так создан, что видит только то, что хочет. А ваши дурацкие спектролинзы показывают только самый первый слой. Остальные, более глубокие пласти, вам недоступны...

Девушка вздохнула и вдруг спросила:

– Какого цвета у меня глаза?

Я сделал вид, что задумался.

– Серые, конечно.

– Нет, голубые, – тут же возразила она. – Вернее, васильковые, или цвета летнего неба...

– Но небо серое, – возразил я. – Или насыщенно-серое, когда ночь. Да и васильки ваши тоже...

Девушка окинула меня оценивающим взглядом и вдруг пронзительно расхохоталась.

– А у вас глаза застывшие, неживые, – внезапно успокоившись, произнесла она. – Светятся ярко, как у вурдалака в лунную ночь. Интересно, какие они на самом деле...

– Такие же, как и сейчас, – немного резко ответил я. Только что спектролинзовый монитор сообщил мне, что вурдалак – озлобленная тварь из сказок, пьющая человеческую кровь.

– Мне бы хотелось ещё с вами поболтать, – как можно спокойнее продолжил я. – Не поймите превратно...

Девушка внимательно изучала моё лицо. Вот она слегка наклонила голову и несовременные, слишком длинные бесцветно-серые волосы рассыпались по плечам.

– Кто вы по профессии?

Я чуточку напрягся, но моё лицо оставалось благодушным.

– Менеджер... Рекламщик. А вы?

– Ясно, – девушка натянуто улыбнулась, игнорируя мой вопрос. – Так вы приехали из города и хотите болтать... – она задумалась. – Кстати, ваша яркая аура ещё пылает отсветами техноцветов, но через недельку-другую ваше спектральное излучение побледнеет и вы будете чувствовать себя лучше... Тогда и люди не будут от вас шарахаться, не говоря уже о рыбе.

Для жительницы диких мест девушка совсем неплохо информирована. Интересно, как здесь налажена связь с цивилизованным миром, без техники? Откуда она черпает знания? Неужели из старых книг? Я видел читающих людей, когда прогуливался по деревне... Когда-то мне попадалось несколько старинных энциклопедий, изготовленных ещё в то время, когда вовсю использовалось производство бумаги.

– Ну хорошо, – решилась девушка, – зайдите к вечеру в «Пятачок», я там буду. А сейчас прошу извинить, у меня дела.

Дела? В этой глупши?

– Хорошо, – я улыбнулся как можно радостней. – А как вас хоть зовут-то? Вы не назвались...

– Тина.

— А меня — Сергей.

...«Пятачок» оказался простым деревенским кабачком с просторным ухоженным двориком. Бледные звёзды быстро рассыпались по сумеречному небу, и народу в общую гостевую залу набилось много.

Посреди «Пятачка» горел яркий белый огонь в очаге, жарилось обязательное в этих краях мясо на решётке.

Когда я вошёл, все тут же обернулись ко мне. Наверное, даже моя аура, которую я лично не ощущал, причиняла некий дискомфорт окружающим. Я сел за столик в самом дальнем углу, но подозрительных взглядов только прибавилось.

Подлетел официант — пузатый и неприятный усач в гладком накрахмаленном фартуке.

— Советую пельменьки, — смачно произнёс он, чуть сплёвывая. — С уксусом, лучком и сметанкой. А к ним винцо из дикого виноградца...

Пельмени не люблю, но заказал, чтобы усач отвязался. Тем более, Тина не показывалась, отчего ж не поужинать?

Кабачок мне понравился: под старину всё — простенько и со вкусом. Стены дубовыми панелями обшиты, столы и стулья украшены тонкой витиеватой резьбой. Даже небольшая сцена в углу имелась, с неяркой подсветкой: на ней, на трёхногой табуретке восседал скрипач. Только он и портил всеобщее впечатление: его смычок выводил дребезжащую надрывную мелодию, словно тонкий железный прут лениво скользил по рельсам.

Стало тоскливо.

Быстрее бы Тина пришла...

— Занято?

Прежде чем я успел ответить, на стул шлётнулась чья-то тень, преображаясь в совершенно дикого старика в грязной потрёпанной одежде. Он уставился на меня огромными белками глаз, абсолютно лишёнными какой-либо радужки.

Я обмер.

— Михалыч, — представился непрошенный собеседник.

— А ведь ты не слепой... — Он вытер рукавом морщинистое лицо, громко икнул и почесал пятёрней седую взлохмаченную голову. — Я вон, и то чувствую, как ты пылаешь.

— Да, я абсолютно нормален, — брезгливо сказал я, невольно отодвигаясь от странного собеседника.

Старик замер. Белки его глаз медленно придвинулись ко мне: он перегнулся через стол всем телом. Я наблюдал, как нижний край его грязной рубахи тонет в моём сметанном соуснике.

— Это тебе только кажется, что ты нормален, — шепнул мне старик и довольно хихикнул. — А на самом деле вы все ненормальные. Помешанные на своих технических штучках. Прогресс, понимаешь... А скажи-ка, друг, из чего сделали эту сметану? — старик бесцеремонно засунул палец в соусник, нагло размешал, а после облизал с гнусным чмоком.

Невольно я потянулся к спектролинзам: быстро подключился к сфере, нашёл нужную информацию.

— Заквасочный баккоцентрат растворяют в тёплой воде и вместе со сливками вносят в технологическую ёмкость, где будет происходить процесс сквашивания, — отчеканил я, быстро просматривая монитор спектролинз.

— Тыфу, — сплюнул старик прямо на скатерть, почти попав мне в тарелку с «пельменьками».

Есть расхотелось окончательно.

— Ты мне без гляделок своих скажи, — продолжал старик, — из чего сметану делают?

Да какая мне разница! Никогда этим вопросом не интересовался. Проклятый старик раздражал.

Но, собственно, задумался. Одёрнул мысль, вновь побежавшую к спектролинзовому

монитору. Из чего, из чего?...

— Из молока, — поразмыслив, произнёс я.

Старик шумно и счастливо вздохнул.

— Неплохо, — произнёс, — жив ещё...

После он зашёлся кашляющим смехом, поднялся и удалился, оставив меня в глубоком замешательстве.

Чтобы расслабиться, я закрыл глаза и потянулся к спектромонитору, к своим личным файлам. Представил обычную картину пароля — хм, слишком легко, надо бы поменять на днях... Пробежал текст задания, досье на подозреваемого.

«...Чародей. Неизвестный изобретатель, не зарегистрирован, не определён... Опасен... Паранормальные явления... Причина поиска: галлюциногенное изобретение, якобы показывающее истинный мир... Опыты на людях, есть смертельные случаи. Пропаганда, революционные настроения в спецпоселениях, попытки восстаний, немногочисленные... Все изолированы, Чародей не найден...»

Я прошёл больше сотни подобных спецпоселений. Ни следа, ни даже подозрения присутствия изобретателя. Ловил кое-кого из последователей, в который раз выслушивал сбивчивый рассказ об истинном мире, полном необычных красок, дарящих ощущение счастья, радости и свободы — всё. Изобретательская машина в таких рассказах представлялась то сверкающим шаром, то сияющей полусферой, то огромным прозрачным куполом, из чего и был сделан вывод о галлюцинациях. Самого Чародея, конечно же, никто не помнил: ни одного нормального описания, лишь восхваляющие дифирамбы ему и его машине.

Деревенька Радужное с виду такая же мирная, как и все предыдущие. Не скажешь, что здесь гениальные учёные разгуливают: тихо да спокойно, нет привычного городского шума.

Как бы в опровержение моих слов, двое мужчин у барной стойки затеяли драку: посыпались быстрые удары и глухие вскрики, полетела посуда с полок.

И тут я увидел Тину. Она быстро подошла к дерущимся и вдруг легко ударила одного из них ребром ладони, прямо по сонной артерии. Тот рухнул, как подкошенный. Второй зарычал, глянул в глаза девушки и вдруг как-то сник.

— Убирайтесь, — медленно сказала Тина. Парень, довольно приличный здоровяк, неожиданно послушался: схватил под шиворот недавнего соперника и поволок на улицу.

Никто особенно не обратил на инцидент внимания, но на меня вмешательство девушки произвело сильнейшее впечатление.

— Ловко вы, — брякнул я вместо приветствия. — Не ожидал...

— У меня есть дар убеждения, — сказала Тина, присаживаясь напротив. На лице её не возникло и тени улыбки.

— Лёгкая способность к гипнозу, — продолжила она.

Я мог бы поспорить, что всё не так просто, но не стал. Мало того, я насторожился.

— О чём вы хотели поговорить? — Тина сразу перешла к делу.

— Интересно бы взглянуть на изобретение, — неожиданно, даже для самого себя, сказал я и добавил:

— Увидеть истинный мир.

Моя интуиция, бывало, подсказывала внезапные решения.

Надеюсь, и на этот раз она не ошиблась.

Возникла пауза. Тина оценивающе глядела на меня — я отвечал тем же.

— Вот так вот, в лоб, — произнесла она. — Без всякой предварительной игры... Любите рисковать?

— А вы?

— Я — нет, — жёстко сказала Тина. — От цветастых одни неприятности.

Хм, Тина стала грубить — назвала меня «цветастым» — кличка-месть за «незрячих».

Назревал конфликт.

Главное сейчас – не спугнуть.

– Но вы же ищите таких, как я, – ляпнул наугад. – Тех, кто не знает истинного... мира.

Тина чуть напряглась, задумалась – я отчётливо это видел.

– Есть маленькая разница, – холодно прищурившись, ответила она. – Одно дело, когда в гости приглашают, а другое – когда сами напрашиваются.

И улыбнулась уголком губ.

– Так вы меня прогоняете?

– Простите, но я должна отключить вашу запись, – Тина вдруг резко перегнулась через стол и приложила ладошки к моим вискам. – Не бойтесь, всего лишь небольшие помехи... С утра всё восстановится.

Я замер. И вдруг с ошеломлением почувствовал, что спектролинзовый монитор сообщил о временной недоступности связи с внешним миром. Со сферой.

– Как вы это сделали?! – я ужаснулся, на мгновение почувствовав себя почти беспомощным.

– Вам этого не понять, – сказала Тина и наконец-то улыбнулась по-настоящему, с ямочками на бледных щеках.

– И всё-таки...

– Если действительно хотите увидеть, – перебивая, продолжила она. – Приходите рано утром, до рассвета, в дом возле озера, где фонтан. Его хорошо видно с того места, где вы делали вид, что ловили рыбу.

– Я действительно удил рыбу, – искренне возразил я, но Тина уже не слушала: просто встала и ушла.

Во дворе указанного дома имелся фонтан. Так вот что сверкало и переливалось: то, что я видел с другого берега реки...

Вода в красивом круглом бассейне била двумя ярусами: верхний венчик пускал небольшие пенистые фейерверки, а нижний, много больше в диаметре, проливался сплошной стеной воды, образовывая тайную круглую комнатку внутри. Красивое сооружение, со вкусом.

Да и сам дом выглядел хорошо: три этажа увиты тусклым серым плющом, из-за которого еле-еле проглядывали таинственные тёмные окна, а к аккуратному деревянному крыльцу вела посыпанная песком дорожка.

Меня никто не встречал. Поэтому я остановился возле фонтана и стал ждать. Когда мне наскутило любоваться водяными струями, я наконец-то услышал лёгкие шаги: ко мне приближалась Тина.

Странно, но шла она от калитки, как и я. Так это не её дом?

– Нравится фонтан?

– Неплохо.

Я едва различал фигуру девушки, одетую в невыразительное длинное платье, почти сливающееся с унылой серой мглой восходящего утра.

Внезапно Тина хлопнула в ладоши – шум воды прекратился.

Я глянул туда, где только что были тугие пенистые струи и замер: середину бассейна занимал тонкий цилиндрический столб на плоском круглом камне.

– Занятная механика, – пробормотал я, соображая, как вода смогла так быстро прекратить литься.

Тина молча взяла меня за руку и увлекла за собой. Ладошка была у неё мягкой и тёплой. Мы прошли по тонкому мостику, перекинутому через бассейн, и встали на самом краю каменного круга, повернувшись к столбу спинами.

– Смотрите, – Тина указала рукой на линию горизонта: за полосой реки показался бледный край солнца.

Красиво. Но не более. Что удивительного хотела мне показать эта странная бледная девушка?

– Что ты видишь? – шёпотом спросила она у меня.

– Солнце, – ответил я и, немного подумав, добавил: – Серое.

– А небо? – спросила девушка. – Какого оно цвета?

– Небо? Серое и бледное, как обычно.

Я почувствовал себя донельзя глупо. Мне-то представлялось, что я увижу того самого Чародея с его ужасным изобретением, или хотя бы саму машину... А вместо этого любуюсь с девушкой тусклым рассветом.

Внезапно Тина опять хлопнула в ладоши. Невольно я дёрнулся в сторону: перед нами хлынула стена воды, отрезая от окружающего мира. Я быстро оглянулся, но ничего подозрительного не заметил.

– Смотрите, как теперь хорошо, – она указала рукой на солнце, просвечивающее сквозь слой воды стайкой сонных бликов.

Я промолчал, всей душой ожидая подвоха. Слишком просто всё...

– Вы очень напряжены, – Тина подошла и взяла меня за руки. – Вам обязательно надо расслабиться.

Её бледное лицо как-то странно приблизилось, бесцветные губы чуть приоткрылись.

И я закрыл глаза.

Поцелуй длился долго. Я незримо чувствовал, что уже поднялось солнце, пригревая мою спину... И приятно шумела вода, разбрасывая мелкие брызги.

Словно двое влюблённых уединились в укромном уголке для романтической встречи.

И вдруг Тина резко отстранилась: словно молния, отпрянула от меня. Её ладони сложились аркой, губы что-то прошептали, взгляд неподвижных глаз устремился вдаль. Машинально я проследил за её взглядом и вдруг судорожно выдохнул от изумления.

Потому что увидел чудо.

Стена сплошной льющейся воды приняла форму чёткой дуги: под влиянием неведомой силы вогнулась в середину, словно хотела раздавить меня, прижав к столбу. Я бесстрашно глянул сквозь неё и вдруг увидел страшное, безобразное солнце. Искажённое водой, оно змеилось неприятными уродливыми потёками красного, оранжевого, жёлтого, зелёного, синего и фиолетового...

Раздался хлопок и водяная стена резко опала вниз полосой бриллиантовых брызг.

Жуткие лучи искажённого солнечного цвета ещё змеились у меня перед глазами, когда я внезапно увидел небо.

Оно было чистого, пронзительно-голубого цвета. А плющ на стене дома показался мне удивительно зелёным. Я оглянулся и увидел Тину: глаза у неё действительно были голубые. Такие же, как это новое странное небо.

– Что происходит? – спросил я, моргнул раз, другой и свалился без чувств.

Над головой серело обычное небо.

– Обморок длился всего лишь десять секунд, – пояснила мне Тина. – Как вы себя чувствуете?

– Нормально, – я поднялся и сел. – Что это было?

Тина нахмурила бледный лоб.

– Оптическое раздражение спектролинз, – произнесла скороговоркой. – Ваш глаз принял солнечный свет, преломлённый как бы двумя линзами – словно прошёл через призму. Вернее, антипризму. Спектролинзы перестали на мгновение действовать, и нейроны вашего мозга неожиданно получили новый, необычный... позабытый сигнал. Всего лишь на несколько секунд вы смогли увидеть настоящий мир, не искажённый спектролинзами... Это и есть моё маленькое изобретение.

Я поднялся на ноги, стараясь игнорировать слабость в коленях.

В её бесцветных глазах светилось счастье – детский восторг напополам с неприкрытой

гордостью. Собой и своим «изобретением». Неужели не обманывает?

— Как ты смогла заставить воду так выгибаться? — я прекрасно помнил чёткую водяную дугу.

— Какая разница, — Тина беспечно пожала плечами. — Я так с детства могу.

И вдруг выпрямилась:

— Донесёшь? — голос прозвучал жёстко и резко, контрастируя с её детским обликом.

Не выпуская Тину из виду, я не спеша проверил связь: работает. Быстро подключился к сфере.

«Изобретение действительно есть, — беспристрастно начал я рапорт. — Хитрое, но, в общем-то, несложное устройство — антипризма — преломляет по-особенному солнечный свет, вызывая странные цветовые галлюцинации...»

Дальше через монитор в сферу потекла запись с фонтаном, вплоть до безобразного солнца.

Подумав, я не стал передавать голубое небо и ярко-зелёный плющ.

«Куда больший интерес представляет девушка, — продолжил я, стараясь мыслить чётко и слаженно. — Невероятная способность к гипнозу и странная, необычная сила... Возможно, её стоит направить в научно-исследовательский центр для обследования...»

Закрыл сообщение.

...И сохранил запись в личном файле. Пока что.

Бледные глаза Тины, не отрываясь, испытующе смотрели на меня.

— Чародея никому никогда не поймать, — вдруг сказала она. — Это невозможно.

— Посмотрим, — усмехнулся я. — Но думаю, ему ещё недолго от нас бегать.

— Нельзя поймать того, кто и так не скрывается, — произнесла Тина и вдруг слабо улыбнулась. — Кто слишком далёк и оттого — слишком близок. Кто навсегда будет жить в твоём сердце, ибо ты — тоже часть её.

— Что? — я нахмурился. — Это такое признание? Так кто же он?

— Она, — ответила Тина. — Люди не зря прозвали её женским именем. Она, как настоящая мать, всегда будет заботиться о своих непутёвых детях.

Её бледно-серые глаза обратились к утреннему небу.

Я тоже поднял голову, стараясь найти ответ среди серых облаков.

Ох, неужели у этих сумасшедших культ некой богини? Этого ещё не хватало.

— Да посмотри же на меня, — вдруг сказала Тина и опять резко приблизилась, схватив меня за запястья.

Острым холодком пробежал по моей спине страх: я отчётливо увидел вспыхнувший голубой ореол вокруг чёрных зрачков её глаз. Но был это не привычный технический — пронзительный техноот свет, нет, совсем иного, необычного свойства. Нежный, но насыщенный...

Васильковый?